

Шалапин Ф. И.
(130 - лет со дня рождения)
(1861-1943)
(арт.)

Зачем мы тревожим

Александра ТУЧИНСКАЯ

130 лет назад в Казани во флигеле дома Лисицина на Рыбнорядской улице родился Федор Иванович Шалапин. Имя великого артиста овеяно легендами и мифами. Какой же миф востребован сегодня в наше "пестромигающее" время? На эту тему размышляет петербургский исследователь жизни и творчества Ф.И.Шалапина Александра Тучинская.

В потоке книжного мейнстрима едва ли не второе место после криминального чтива занимают скандальные биографии знаменитостей, как прошлых, так и нынешних дней. Собрание под одной обложкой всех "низких истин", более или менее документированных, о личной жизни известного писателя, художника, артиста пользуется спросом и расходуется быстрее, чем глубокое исследование об их творчестве. Сами же творцы навострились писать скандальные мемуары, чтоб зарабатывать на собственном имидже. Поэтому непонятно, что было первично: спрос или предложение. Во всяком случае, в нашей стране вывертов какой бы то ни было системы — социалистической или капиталистической — предложение жареных фактов явно превышает потребность в них обывателя, замotanного резко разнобразившимся, но не радикально преобразившимся бытом. Недешевые глянцевики издания не враз исчезают с прилавков, зазывно зияя сногшибательной непристойностью из жизни VIP — персон. Клубничка заполонила книжный рынок, когда-то знаменовавший серьезную работу мысли самой читающей страны. Интимная летопись Отечества явно стала популярным и легко продающимся товаром — суррогатным пособием массового просвещения.

Книжка с многообещающим названием "Семейная жизнь Федора Шалапина" Ирины Баранчевой ("Аграф", Москва, 2002) основательно разрабатывает один из самых популярных сюжетов этой летописи и сразу же заявляет локальный аспект темы в подзаголовке: "Жена великого певца и ее судьба". То есть, муж, будь он хоть великий певец, — да прилепится к своей жене. В сущности, этот профанируемый библейский посыл есть единственно внятный смысл повествования в 308 страниц. Причем, строгий автор идет дальше кодекса морального и уж, тем более, гражданского: не признает права Ф.И.Шалапина на двух жен, которые у

него были. Жена здесь — не столько женщина, сколько выбранный дисккурс, поэтому она может быть только одна — первая. А та, другая, — лишь разлучница, черный негатив запечатленной судьбы, не содержащий проявленной ценной информации.

В сущности, такой сюжет имеет право на существование: Иола Игнатьевна Торнаги-Шалапина, первая жена знаменитого артиста не признавала присутствия в его жизни другой женщины — той, с которой он прожил 30 лет, которая его похоронила да и сама была похоронена в его могиле. Но героиня и автор могут быть тождеством, если это литературный прием, и в этом случае он должен быть как-то заявлен: либо читателю предъявляются действительные — или вымышленные — мемуары кого-нибудь из героев, так сказать, презентуется субъект повествования, либо сочиняется роман или мелодрама. Правда, в обоих случаях текст должен содержать хоть какую-нибудь художественную идею и некоторую долю занимательности. Но — на нет и суда нет.

Обсуждению подлежит именно выбранная И.Баранчевой как будто объективная позиция дотошного исследователя, прочесавшего архивы, обнародовавшего редкие материалы прессы (рецензии на выступления юной балерины И.Торнаги) и эпистолярного наследия Шалапиных. Однако весь этот груз материала не создает ни историографического, ни биографического объема. Автор не поднимается до серьезных обобщений даже в сфере matrimoniaльных проблем. А ведь герои книги живут в эпоху Гамсуна, Стриндберга, Блока, наконец, Фрейда, когда проблемы эти, загнанные в тупик старого уклада, приобретают значение мировоззренческое, а диссонанс во взаимоотношениях полов становится предзнаменованием сдвигов в культуре и в социуме.

Автор хроники Шалапиных разворачивает интимный сюжет с недопустимой в документальном повествовании назидательностью жестокого романа. "Он не стоил ее любви" — навязчивый рефрен этой, а может, и любой

женской биографии.

Героиня книги прожила нелегкую и незаурядную жизнь. Итальянская балерина Иола Ле Прести по сцене Торнаги была приглашена в 1896 году в Московскую Русскую Частную оперу ее основателем С.И.Мамонтовым. Вскоре она стала женой молодого оперного премьера этой труппы Федора Ивановича Шалапина. Подруга и жена национального русского гения, родившая шестерых его детей, она обрела дом не в своей теплой Италии, а в холодной, чужой России и чудом уцелела в трагических перипетиях российской истории. Умерла в Италии, куда вернулась за несколько лет до смерти в том возрасте, когда она уже не в силах была распоряжаться своей судьбой. Отказавшись от родины, от собственной артистической карьеры, Иола Торнаги-Шалапина выбрала свой путь — путь любви и самоотверженности и не избежала на этом пути разочарований и потерь. Иола Торнаги была красавицей и сильной личностью. И если балетную карьеру она без сожалений оставила, трезво оценив свои шансы в ситуации европейского театра, то свое положение жены и главы знаменитого российского семейства она не собиралась уступать никому.

Поэтому фигура второй спутницы жизни певца — Марии Валентиновны Петцольд, матери троих дочерей Шалапина, обретает в мире Иолы Торнаги зловещие черты антипода, "коварного человека", "злой женщины", разрушившей семейную гармонию. А сам великий артист предстает как слабовольная жертва, эдакий добрый молодец, поддавшийся злым козням и превратившийся в ... козленочка. Сказочная эта коллизия вполне понятна в мифологии семейства, настроенного на вечную идиллию, вдохновляемую матерью и основывающуюся на Шалапинских гонорах, до сих пор легендарных. Понятна и болезненная реакция детей от первого брака, до глубоких седин сохранивших обиду на отца, на вторую его семью, на неравные доли наследства, оставленного вдове, а не первой жене. Так Федор Федоро-

вич, младший сын певца, на старости лет впервые за долгие годы побывавший в Ленинграде, отказался прийти в мемориальные комнаты Шалапина, потому что музей располагается в доме, где хозяйкой была Мария Валентиновна. Кстати, именно там, в Ленинграде на бывшей Пермской улице в 1975 году открылся первый мемориальный музей Шалапина, о чем И.Баранчева решительно не желает информировать читателя.

Но совершенно непонятна и неуместна в новой книге взыскующая интонация да и прямо обвинительная конструкция повествования, заимствованная из советских газетных клише 30-х годов: "Шалапин опасно менялся на глазах". При всей видимости постсоветской идеологической установки: плохой отец, неверный муж — антигерой (а прежде: плохой гражданин, эмигрант — отобрать звание народного артиста) это лишь вариант старой нечистой игры. Великий артист, безусловный национальный авторитет компрометируется в глазах соотечественников в соответствии с "новыми" ценностными категориями омецающего общества. Да еще от лица самого близкого человека — жены. Это что-то уж очень напоминает способ, по которому стряпались известные дела.

И факты, казалось бы, верные, выворачиваются наизнанку, а то и вовсе стираются. Современный исследователь комментирует перипетии Шалапинской семейной драмы, снабжает их текстовыми иллюстрациями, вырванными из контекста переписки. Причем, представлена, в основном, одна сторона конфликта-сторона жены, а тексты самого Шалапина приводятся в коротких выжимках и только для подтверждения морализаторских пассажей автора. И.Баранчева прикоснулась к трагедии человеческих связей и разрывов выдающихся личностей не как литератор-психолог, не как историк культуры, но как юрист, причем прокурор. Вряд ли Иола Шалапина предоставила бы И.Баранчевой полномочия быть ее адвокатом. Потому что хорошо знала, кого выбрала себе в мужа, знала и часть своей ви-

Женя и сестра —

ВЕЛИКИЕ ТЕНИ

ны в их разрыве, а жалобы свои изливала только в дневнике да в письмах к родным.

Что и говорить, великий Шаляпин не был ангелом, а на сцене ему чаще приходилось являться и вовсе чертом: то Мефистофилем, то Демоном, да и цари его — Иван Грозный, Борис Годунов бросали вызов божественному предназначению. И тем не менее, в том, что Шаляпин зажил на две семьи, или, как он сам говорил о себе, стал "весьма женат", была закономерность.

И дело вовсе не в богемных вкусах любвеобильного артиста. Жизнь Шаляпина все больше подчинялась не праздности и не детским праздникам, которые были так дороги Иоле Игнатьевне, а труду, постоянному, изнурительному. К.Коровин вспоминал о том, что никто никогда не видел, как молодой Шаляпин работает, учит роль, потому что процесс внутренней работы происходил в нем всегда, что бы он ни делал. "Дело не медведь, в лес не убежит" — эту русскую поговорку Шаляпин всегда ненавидел.

Творческое напряжение, в котором проходила его жизнь, было залогом его успеха. Но оно же было источником постоянной неуверенности в себе, страха перед потерей голоса и вообще болезнью. И в нем коренилась причина огромного опустошающего одиночества артиста. Именно момент жуткого рубежа между реальностью и фантазией — момент выхода на подмостки — был для него желанен и ужасен, да так никогда и не стал для него рутинным. Его близкие вспоминали, что уже приобретает мировую славу, Шаляпин мог из мнительности отменить спектакль, и его нужно было едва ли не выталкивать на сцену. Он все больше нуждался в постоянной заботе о себе.

Мария Валентиновна вошла в его жизнь именно тогда, когда его гастрольная деятельность все больше приобретала черты постоянного образа жизни. На гастролях Шаляпина никогда не сопровождала Иола Игнатьевна (кроме первых гастролей в Италии). А с Марией Валентиновной он объездил весь мир. Она, купеческая вдова, мать пятерых детей, разделила артистическое кочевье Шаляпина, вовсе для нее непривычное: в переездах, на репетициях, на спектаклях, в капризах и болезнях, радостях и неудачах — она рядом. Она приняла его и его жизнь такими, какими их узнала. В шалаше поведении советского времени Мария Валентиновна считалась главной причиной невозвращения певца в Россию. Так было удобно считать, что в разладе артиста с Отечеством повинен кто-то третий.

Иола Игнатьевна была артисткой, став женой и матерью, она, словно компенсируя неблагополучие собственного детства, построила свою семейную жизнь, как примерная буржуазка: со священным авторитетом отца, с неизбежностью домашнего очага и с эксклюзивным правом на имя знаменитого мужа. Она придумала идеальную схему их общей жизни и страдала от его выпадения из этой схемы. И вовсе не чадолюбиво Иола Игнатьевна обязана Шаляпину тем, что его с Марией Валентиновной дочери стали носить имя отца, — здесь И.Баранчеева напрасно педалирует мотив "высшего благородства" своей героини. Николай II, "снисходя на всеподданнейшее ходатайство солиста Нашего императорского величества, артиста императорских театров Федора Шаляпина" повелел Указом Правительственному Сенату от 20 июля 1916 года принять его внебрачным дочерям Марфе и Марине, родившимся к тому времени, фамилию отца и вступить "во все права и обязанности детей усыновленных". Документ этот хра-

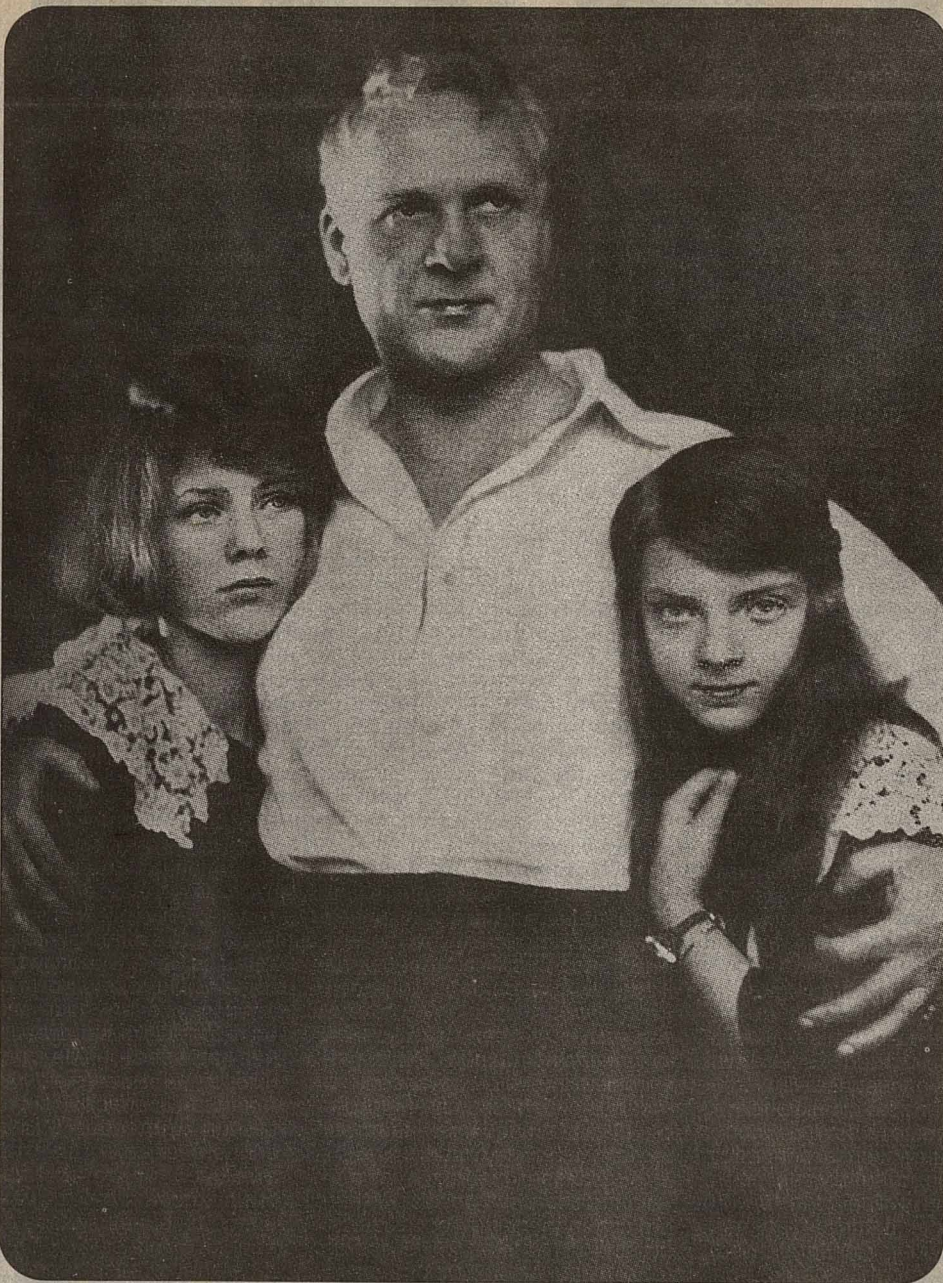
нится в РГИА, его должно было отыскать автору семейной хроники великого певца. Первая жена не давала ему развода, сохраняя видимость брака, так как дорожила именно постоянством связей — человеческих и социальных. Но и те и другие безнадежно рвались, усилия были напрасны, катастрофа неизбежна.

Иск Шаляпина в советский суд, лишь в ноябре 1927 году разрубивший этот брачный узел, — факт, который подан в книге как окончательное моральное падение артиста, — был в действительности вызван необходимостью материального порядка. Поразило, что Шаляпин пошел на этот шаг почти через двадцать лет после действительного разрыва с Иолой Игнатьевной. Да и то после того, как на гастролях в Америке, где осуждались гражданские браки, он едва не стал объектом газетной травли, как Горький и Андреева, которые в 1906 году были принуждены к срочному выезду из Нового Света. Шаляпин погасил инцидент с помощью денег. Письмо Шаляпина дочери Ирине от 23 апреля 1927 года (РГАЛИ) исчерпывающе объясняет тяжелую ситуацию, но оно и не потребовалось необъективному биографу, поэтому приводим здесь пространную цитату: "...конечно шантаж был основан на моих незаконных сожительствах с М.В., словом, хотели было сделать то же самое, что и с М.Горьким, но за деньги я пока избежал этого. История стоила мне 10000 долларов. Я как-то просил мать сделать со мной развод — она из глупой фанаберии отказалась. Теперь я ду-

маю, что придет день, когда из-за этого я лишусь работы и м.б. и денег, и уж не в состоянии буду поддерживать всех вас, потому что в Европе зарабатывать столько НЕ-ВОЗ-МОЖ-НО! Я еще раз поговорю с ней или теперь или потом. Думается, что она не захочет быть врагом всем нам вместе". От диалога Иола Игнатьевна отказалась. Она была непреклонна и, как ей казалось, стояла на страже интересов своих великовозрастных детей.

Доводя патетический мотив обид и претензий первой жены до крещендо, автор достигает совершенно противоположного результата. Чем больше негодующих филиппик посылает И.Баранчеева в адрес "эгоиста" и вообще обманщика Шаляпина, тем больше изумляется читатель просто-таки подвигу отеческой любви артиста. Дом на Новинском бульваре был куплен им для первой семьи, живущей на его содержании, в 1910 году, когда вторая семья стала, в сущности, его домом. Далеко не все так поступали даже в ту пору благословенных обаянностей. Но и после революции, когда приходилось думать о голоде, Шаляпин не снимает с себя заботы и о первой семье, а это было уже время, оправдывавшее любые разрывы. Разруха в стране — это прежде всего разруха в головах, как заметил Булгаков.

А уж после отъезда за границу, куда народный артист поехал на заработки, так как революция сделала его вновь пролетарием, он зовет за собой всех своих детей и первую жену. И все, кроме старшей дочери, оказываются на Западе. Ирину на родине держит служба в театре, а Иола Игнатьевна возвращается в Россию, не в силах оторваться от "потерянного рая", превратившегося в коммунальное жилище. Все же остальные члены семьи в той или иной степени устраиваются в новых условиях благодаря Шаляпину. Ну, разумеется, он уже не может полностью содержать своих вполне взрослых, но не очень приспособленных к самостоятельной деятельности детей, кое-кто из них уже сам стал родителем. Да и здоровья у него не прибавляется, а труд свой он все чаще в письмах называет каторжным и непосильным. Но не будь отца, не было бы у старшего сына Бориса никакой мастерской в Париже, никаких заказов на портреты знаменитостей. Не был бы младший Федор ассистентом на картине маститого кинорежиссера Г.В.Пабста, в которой Шаляпин играл Дон Кихота, да и позже никакого не было бы Голливуда у Федора — "мастера эпизода", если бы не знаменитый отец, которого чтили в Америке многие, включая Чаплина. В качестве секретаря держал при себе Федор Иванович первого мужа дочери Татьяны: в 20-х годах, гастролируя в Европе и Южной Америке, предпочитал жить, по его выражению, "фамильно". Много ли ты, читатель, встречал таких апостолов семейственности?

Все эти давно известные факты не имело бы смысла здесь вспоминать, если бы они ни трактовались новым биографом в нарастающей предвзятости обвинительного вердикта: мало, мало, мало огня — что в супружеской, что в родительской любви знаменитого баса. А прежде его упрекали в недостаточной любви к соотечественникам, в измене родине. "С барина с белого сорвите, наркомпросцы, народного артиста красный венки". Это написано по поводу благотворительного жеста Шаляпина, передавшего в пользу бедных семей русских эмигрантов в Париже крупную сумму денег. Не зря в книге, где мало шалыпинских цитат, полностью приводится это печально знаменитое стихотворение Маяковского — ревнивый окрик либидо отринутного класса. Независимость любовного проявления артиста и в том и в другом случае трактуется как социально враждебная акция — как проступок: "тот, кто сегодня поет не с нами, тот — против нас". А должен быть как мы и с нами.

"Почему это русская любовь так тиранически нетерпима? Живи не так, как хочешь, а как моя любовь к тебе велит. Поступай так, как моей любви к тебе это кажется благолепным. Я полюбил тебя, значит — создавай себя в каждую минуту твоей жизни по моему образу и подобию. Горе тебе, если ты в чем-нибудь уклонился от моего идеала" Это написал Ф.И. Шаляпин в своей книге "Маска и душа".

Не потому ли сегодня "лицо символическое" Федора Ивановича Шаляпина тиражируется на страницах желтой прессы, что мешанская бацилла всепобеждающего хамства требует снижения высоких тем, усреднения, если не умаления великих фигур? Защитой от этой паразитирующей на кумирах болезни и должны быть документальные и искусствоведческие исследования, беллетристика и все возможные жанры художественного воспроизведения Человека Искусства. Иначе и искусство, и люди, и книги обо всем этом скоро вовсе исчезнут.

- Ф.И.Шаляпин с сыном Борисом
- И.И.Шаляпина
- И.И.Шаляпина с детьми Игорем и Ириной
- М.В.Шаляпина
- Ф.И.Шаляпин с дочерьми Марфой и Мариной

Хран и сына —